

Котя-Мотя

Автор:

Антон Чиж

Котя-Мотя

Антон Чиж

Перемены к лучшему

«Котов я презирал с детства.

В нашем дворе царил неписанный кодекс общения с живностью. Нагоняй от матерей за подранные штаны вынуждал к дипломатии с бродячими собаками. Голубей-дармоедов следовало шугать всем, что попадалось под руку. Воробьев не трогали: птичью малышню обижать было стыдно. А вот котам... Котам в нашем дворе появляться не стоило. Никогда. Ни по какой надобности. Ни за сдобной мышкой, ни за кошачьей лаской...»

Антон Чиж

Котя-мотя

Самый неизвестный из знаменитых авторов отечественного детектива и, пожалуй, самый загадочный: ни одной подлинной детали его биографии до сих пор не известно. Начал писать свои детективы, когда более не нашел ни одного стоящего для прочтения. Антон считает, что настоящее счастье вращается вокруг семьи и любви, но тема эта столь таинственная, что говорить о ней не рискует даже наедине с собой.

* * *

Котов я презирал с детства.

В нашем дворе царил неписанный кодекс общения с живностью. Нагоняй от матерей за подранные штаны вынуждал к дипломатии с бродячими собаками. Голубей-дармоедов следовало шугать всем, что попадалось под руку. Воробьев не трогали: птичью малышню обижать было стыдно. А вот котам... Котам в нашем дворе появляться не стоило. Никогда. Ни по какой надобности. Ни за сдобной мышкой, ни за кошачьей лаской.

Усатый бродяга, завернувший в наш двор, очень рисковал. В лучшем случае ему светила веревка с консервными банками на хвост. Обычно же гостя встречала яростная погоня с рогатками, палками и улюлюканьем. Кошак метался как угорелый в сжимавшемся кольце, пока отчаянным броском не взлетал на дерево. Спасая свою шкуру, кот окатывал нашу ораву взглядом, полным презрения, и принимался нагло намывать физиономию, делая вид, что камешки, стучавшие о ветку, лично ему глубоко безразличны.

Как ни сильна была ненависть к дворовым котам, черта живодерства не переступалась. Поджечь коту усы или отрубить хвост – и в голову никому бы не пришло. Все-таки мы, пионеры, не только взвивали кострами синие ночи, но и берегли нашу матушку живую природу. Поэтому мы, дикие дети советских дворов, относились к котам честно, как хищник к добыче: твари надо было доказать, кто главный в пищевой цепочке. Так что коты обходили наш двор стороной.

Мое отношение к котам было порождением коллективизма. Я не особенно задумывался, почему не люблю их. Все соседские мальчишки котов терпеть не могли, а я что – хуже, что ли? От коллектива нельзя отрываться ни в любви, ни в ненависти. В общем, котам от меня ничего хорошего не светило.

Зато все детство я мечтал о собаке. Настоящей собаке. Желательно – немецкой овчарке. Сгодился бы эрдельтерьер. Я бы не отказался от дога. А уж такое счастье, как водолаз, являлось только во сне. Родители обещали собаку, но исполнение обещанного откладывалось. Сначала окончи пятый класс... Исправь тройки в последней четверти шестого... Только после седьмого класса... Тебе надо о девятом классе думать, а не о собаке... В общем, собаку мне не подарили.

Когда я вырвался в студенческую свободу, то тешил надежду, что вот-вот заведу отменную псину, и будем мы счастливы настоящей дружбой пса и человека. Но все было не до того. Собака у меня так и не завелась. Зато время закрутило пружину до упора, пока она не лопнула. Под гром пустых кастрюль шла перестройка. Уже появились скромные карточки: удостоверения «ленинградского покупателя» с фоткой три на четыре, без которой ничего не продавали в магазинах. И тут студенчество кончилось, началась самостоятельная жизнь. Вышла она слегка неказистой, то есть полуголодной.

У кого как, а у меня в конце восьмидесятых порой не было копейки на троллейбус, приходилось ехать зайцем. Мечта о собаке улетела в далекое «когда-нибудь». Прокормить собачью утробу было нечем. Но погаснуть угольку любви я не позволял хитрым способом: раз в три месяца, не чаще, отправлялся на Кондратьевский рынок. Этот рынок был знаменит на весь Ленинград. За картошкой или мясом сюда никто не ездил. Но если в домашнем хозяйстве требовалась диковинная рыбка, говорящая птичка, верткий ужок, ручная обезьянка или червяк для рыбалки – милости просим. Кондратьевский считался главным Птичьим рынком Северной столицы.

Так вот. Когда собачья тоска брала за душу, я садился на трамвай и тащился через полгорода на Кондратьевский проспект. И долго-долго гулял по рядам, где щенки всех мастей, хочешь с родословной, хочешь – с честным словом – породистый, провожали меня взглядами, от которых сжималось сердце. Я зарекался, что вот-вот подзаработаю и возьму себе друга, о котором мечтал всю жизнь. Потерпи немного, друг, скоро я за тобой приду. Реальность была далека от мечты: купить щенка нечего было и думать. Меня бы выгнали из дома вместе со щенком. Если бы я вдруг сошел с ума и позволил себе... так что просто смотреть, не трогать – вот и все, что я мог себе позволить.

Однажды, на пороге девяностых, удалось мне немного подзаработать. Сто рублей – для меня было много. Хватит на месяц, а если чуть экономить – полтора, неголодной жизни. Настроение мое было приподнято. Душа просила праздника, а какой праздник бывает бесплатным? Только праздник для глаз. Я прикинул, что неплохо бы завернуть на Кондратьевский, чтобы поглазеть на щенячье счастье. Тем более не бывал там с год, наверное.

Громыхавший трамвай вздрогнул и со скрежетом распахнул дверцу. Я спрыгнул с подножки и не узнал знакомое место. Рынок одичал, как наша жизнь. От народа было не протолкнуться. Будто все разом хотели избавиться от зверей,

как ненужной обузы. Торговля захлестнула площадь перед главным павильоном. Живность предлагали у края остановки. На покупателя кидались с невиданным жаром. Мне совали кроликов и шапки из них, крепкие ошейники и щенков «настоящих кавказцев» с глазами голодных сироток, озверевший петух с рваным гребешком был назван лучшим представителем породы, а хомячков, расплодившихся без меры, отдавали на вес, с банкой. Изобилие было, только праздником что-то не пахло. Зверье выглядело замученным, люди казались испуганными. Какой-то мужик с посеревшим лицом поднял за шкурку щенка, висевшего в его кулаке тряпицей, потряс, словно пустую батарейку, зло ругнулся и бросил неживое тельце в грязь. Никому до этой маленькой трагедии не было дела. Всем хватало своих. Под ногами чавкало и хлюпало. Над толпой витали незнакомые флюиды, в которых страх мешался с отчаянием и звериной безнадегой людей. Захотелось удрать отсюда, бежать без оглядки. И больше не возвращаться никогда.

Я стал пробираться к выходу, что было непросто, толпа не хотела отпустить, засасывая обратно в свое чрево. Толкаясь локтями и напирая, я кое-как пробился к берегу. У остановки торговый народ отступил. Вдалеке показался трамвай, оставалось совсем чуть-чуть, чтобы расстаться с Птичьим рынком навсегда. Или до лучших времен. Так я решил.

Не знаю почему, но я обернулся.

У края общего водоворота держался высокий худощавый мужчина, особо не выразительный. Было заметно, что на рынке он впервые, и все, что тут творится, ему омерзительно, и если бы не нужда – ни за что бы он здесь не появился. К ноге его жалась некрупная, ухоженная колли, тревожно поглядывала на хозяина, явно растерянная обилием запахов, шумов, визга и прочих необъяснимых для собаки явлений. На руках он держал плоскую корзину, в которой уместилось четыре рыжих комочка. Комочки сидели тихонько, как воспитанные дети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/chizh_anton/kotya-motyа

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)